

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РУСИЗМЫ В ПОВЕСТИ В. КОРОТКЕВИЧА «ОРУЖИЕ»

Лапицкая Ирина Николаевна

доцент кафедры общего и славянского языкознания учреждения образования
“Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова”; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Повесть В. Короткевича «Оружие» (оригинальное название – «Зброя») является продолжением романа «Колосья под серпом твоим». События произведения происходят в Москве, куда в начале 1862 г. приезжает Алесь Загорский со своими друзьями, чтобы добыть оружие для будущего восстания 1863–1864 гг.

Особенности сюжета делают естественным и оправданным обращение писателя к русскому языковому материалу в художественно-изобразительных целях.

Включение лексики русского языка в прямую речь персонажей, с одной стороны, мотивировано стремлением писателя правдиво изобразить реальную коммуникативную ситуацию, воссоздать в тексте на белорусском языке речевой облик персонажа, говорящего по-русски. При этом писатель не копирует подлинную русскую речь, а дает лишь намек на нее, включая в реплики персонажей, написанные в основе своей по-белорусски, отдельные русские слова. Лексические русизмы в таком случае выступают в роли своеобразных знаков дополнительной информации о характере речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности: *Толькі мяне не давядзеш – шалі-іш* [1, с. 311]; *І выдую пры ім тры самавары, хаця чаю гэтага бачыць не магу* [1, с. 353]; *А тут мамаі ахотнарадскія грызкікаў вутюжаць* [1, с. 353]; *Проста так, відаць, з азарства* [1, с. 358] и др.

С другой стороны, лексико-стилистические особенности данных вкраплений свидетельствуют об авторской установке на историческую стилизацию языка действующих лиц. В таком случае отбор лексики происходит в пределах, мыслимых в объеме этого сюжетного и хронологического пространства. Стилизирующим материалом, как правило, является архаика. Устаревшая русская лексика выступает как «словесно-изобразительные средства художественного отображения языковых, бытовых, культурных и других особенностей прошлых исторических эпох» [2, с. 111]; *Штуцарамі цікавішся, барын?* [1, с. 311]; *Палавы, жэлаю казёнай* [1, с. 317]; *Наглядчыку крыўдна, бо іных спосабаў сыску ў нас бадай што і няма* [1, с. 323]; *Уладкуй там кофр ягонага сцяпенства* [2, с. 289]; *Па старому сагласію жывяць? – спытаў*

ён [1, с. 289]; *І вось маці паклікала ды на смяротным адры і ўзяла абет* [1, с. 352]; *Якая камісія, прашу, вядома, дараваць?* [1, с. 286] и др.

Наиболее ярким примером функционально нагруженного использования лексических русизмов выступает речь истового старообрядца Чивьина. Так сюжетно-тематические особенности произведения позволяют рассматривать употребленные лексические русизмы прежде всего как сигналы русской речи персонажа. В то же время характер языкового материала, отбор которого детерминирован содержанием художественного образа, свидетельствует об авторском замысле создать как индивидуально-характерологическую, так и социально-типологическую характеристику данного персонажа. Благодаря функциональной емкости использованных вкраплений возникает сложное единство национально-специфических, индивидуально-психологических и социально-исторических особенностей речи героя произведения: *Са сваіх, значыцца, мужычкоў цёплае здзіраеце, каб у халоднае ды ліночае абрадзіць*, – ён гаварыў па-руску спявуча, як гаворыць маскоўскае мяшчанства [1, с. 285]; *Свяшчэнства ад ніканіян не прыемлем* [1, с. 289]; *А гаспадар крамы – «дабрасовесны» ў гарадской часці. Вось табе і «дабрасовесны»: крадзеныя гарматы купляе* [1, с. 293]; *Няўмесна, бацюхна* [1, с. 294]; *Яны былі «ўзыскуюшчыя града»* [1, с. 294]; *Мы – ізуверы, мы – начотчыкі* [1, с. 302]; *Кожнае сцэрво можа ў нас каменіем лукануць* [1, с. 302]; *Ты помні, рускі чыноўнік – падлец* [1, с. 302]; *Цьма непрасвяцімая, вогнь неўгасімы, скрэжат зубоўны* [1, с. 306]; *Вось, Аляксандр Георгіевіч, якое наша прасвяшчэнне* [1, с. 307] и др.

Отмечено употребление русской лексики и в авторской речи. Так, например, авторская фраза может включать в себя отдельные слова, обороты, характерные для речи определенного персонажа. Как правило, такого рода вкрапления появляются в контекстах, которые принимают в себя цитаты из речи персонажа, о котором ведется повествование. Применяемый метод введения лексики, специфической для языка героя, используется также как стилистический прием характеристики речи, поведения, образа мыслей, настроения персонажа, что в целом способствует его индивидуализации и в авторском тексте: *Чыўін і тут быў незаменны. Бачыў усе купецкія выбрыкі, не дазваляў падмяняць купленага, прымушаў «показываць товар лицом»* [1, с. 310].

В ряде случаев между высказываниями персонажей и авторской речью обнаруживается более тесная связь, которая выражается непосредственно: отражения прямой речи переходят в авторское повествование:

– *Гэх, князь. Рагожскіх гоняць. У царквах нашых – врата запечатленыя* [1, с. 302].

... *Другі, Пётр Ярмілавіч, быў куражны самадур, які вечна награжаў парафіі пераходам у адзінавер'е, што скоро і здарылася, пасля чаго ўлады «запечатлелі» і апошнія рагожскія і іншыя алтары* [1, с. 303];

– І «ожегу» не крычы, – сказаў Кірду́н [1, с. 332].

... Кірушка не падвёў. Абышлося нават без «ожегу» [1, с. 344].

Анализ словарного материала свидетельствует о том, что лексические русизмы могут включаться в авторское повествование не только как отражения языка героев, но и как органический компонент собственно-авторской речи.

Так, например, некоторые словоупотребления могут быть объяснены использованием автором экспрессивных возможностей русской стилистически окрашенной лексики. Подобный характер носят случаи возникновения оттеночной градации вследствие включения в один контекст синонимических соответствий обоих языков. В результате подчеркивается оттеночная семантика двух односемантных слов, что способствует более точному и образному выражению авторской мысли: *Алесь усё гойсаў на Маскве і навакольных гарадках, скупаючы ўсё, што мог. Як апантаны, як беспаваты, уражаны адной маніяй* [1, с. 311].

Русское слово в собственно-авторском повествовании может иметь колористическую мотивированность, вводить читателя в атмосферу изображаемой исторической эпохи: *Ні даць ні ўзяць еўрапейзаваны купчык з багатых таганскіх недарасляў* [1, с. 284]; *Палавыя ў яго былі чыстыя, сцяпенныя і строгія – не забалуеш* [1, с. 316] и др.

Лексические русизмы могут включаться в авторское повествование о персонаже-русском: *Але не паспеў апамятацца. У паветры раптам мільганулі ногі сцяпенства* [1, с. 313]; *Стараабрадзей пацягнуўся, каб схачіць* [1, с. 335]; *«Не хлушу, бацюхна», – стары цяпер гаварыў істава, куды падзеліся «словы»* [1, с. 293].

Как правило, русские слова в авторской речи формально не маркируются. В ряде случаев такое словоупотребление выделяется – берется в кавычки. Это демонстрирует осознанность использования русской лексики, подчеркивает ее употребление в определенных стилистических целях.

Таким образом, использование лексики русского языка помогает писателю реалистически воспроизвести действительность, создать социально-бытовой и языковой колорит изображаемого исторического периода, индивидуализировать и типизировать речь своих персонажей.

Литература

1. Караткевіч, У. Чорны замак Альшанскі: раман, аповесць / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац, літ., 1983. – 359 с.
2. Белодед, И. К. Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков / И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, А. Н. Кожин и др. – Киев : Наук. думка, 1981. – 335 с.